

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Крючкова С.Е., Крючкова Е.В. — Искусство аргументации в Древнем Китае // Философская мысль. – 2023. – № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.4.40030 EDN: AVGTPW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40030

Искусство аргументации в Древнем Китае

Крючкова Светлана Евгеньевна

ORCID: 0000-0002-9213-8503

доктор философских наук

Профессор, Департамент гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 51/1

✉ svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru

Крючкова Елена Вячеславовна

ORCID: 0000-0002-5988-7326

кандидат экономических наук

доцент, кафедра экономики и управления предприятием, Московский государственный технологический университет "СТАНКИН"

127055, Россия, г. Москва, пер. Вадковский, 1

✉ kryuchkova_e@mail.ru

[Статья из рубрики "История гуманистической мысли"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.4.40030

EDN:

AVGTPW

Дата направления статьи в редакцию:

19-03-2023

Дата публикации:

26-03-2023

Аннотация: Предметом исследования является идейное наследие древнекитайских мыслителей, так или иначе относящееся к теоретическому осмыслению практики публичной полемики. Подробно рассматривается процесс институционализации спора в Древнем Китае, обосновывается, что своей предпосылкой он имел существование специфического аргументативного дискурса в виде т.н. «убеждений» - поучений, назидательных речей советников перед своими правителями. Рассмотрены аргументы

против встречающегося отождествления «убеждений» с реальными публичными спорами, имевшими широкое распространение в период Чжаньго – «Соперничества ста школ». Показывается, что ряд идей, выработанных в этот период, приобретет впоследствии нормативный статус и станет визитной карточкой китайского спора. В ходе рассмотрения различных видов спора выявлены специфические для китайского типа аргументирования приемы: метод ассоциаций, ссылки на прецеденты, прием последнего слова; показана роль примеров как основы индуктивных умозаключений. На основе рассмотрения конфуцианской концепции «исправления имен» и моистского учения о правильном использовании языка показано, что социально-политический контекст и практические соображения играли определяющую роль для теоретического осмысления искусства аргументации. Выявлены продуктивные методологические идеи древнекитайской «Программы спора». Показана роль аналогии и примеров как топосов древнеиндийского спора. Проанализированы теория рассуждений и теория спора поздних моистов, обосновывается вывод о том, что принципы обоснования и убеждения, а также правила ведения спора, содержащиеся в них, представляют собой прикладную логику, нормативность которой позволяет рассматривать ее в качестве первой теории аргументации. Доказательно-иллюстративная база статьи представлена компаративистским анализом стратегий и интуиций древнегреческой и древнекитайской философской мысли с обращением к наследию выдающихся мыслителей, посвященному искусству аргументации. Новизна исследования заключается в выявлении аргументативного содержания китайского стратагемного мышления на примере теоретико-методологического наследия поздних моистов, которое расценивается как прообраз теории аргументации.

Ключевые слова:

Древний Китай, убеждение, спор, теория аргументации, логика, умозаключение, аналогия, аргументативные ошибки, рассуждения, правила спора

Искусство аргументации, нацеленное на убеждение кого-либо путем обоснования необходимости принятия той или иной точки зрения, возникло одновременно с развитием крупных древних цивилизаций, таких как Вавилон, Египет, Индия, Китай, Греция. В современном публичном пространстве с появлением новых информационных технологий и медийных практик сила доказательного слова возросла многократно даже по сравнению с тем, какую роль оно играло в древнем мире, чье воздействие по эффективности тогда впервые стали приравнять к силе оружия на войне. Так Платон в «Филебе» приводит слова знаменитого древнегреческого софиста Горгия, считавшего, что «искусство убеждения» гораздо лучше и важнее всех других, так как «оно всех заставляет рабски служить себе добровольно, а не насильно» [\[1, с.75\]](#). С тех же пор начинаются теоретические исследования искусства аргументации, которые, несмотря на усилия многих великих умов, тем не менее, не привели к настоящему времени к созданию общезначимой теории аргументации. Во многом это объясняется сложностью самого феномена аргументации, природа которого делает чрезвычайно трудной решение задачи построения такой теории, которая, не впадая в ограниченность одной из сторон аргументативного дискурса (логической, риторической, психологической или же коммуникативно-прагматической), оказалась бы способной объединить в единое целое такие разнородные познавательные процедуры, как обоснование, изначально входившее в сферу интересов логики, и убеждение, являвшееся целью риторики [\[2, с.15\]](#).

Это нашло отражение и в разнообразии моделей аргументации, возникших в XX веке, среди которых самыми значимыми являются: неформальная логика (Р.Джонсон, А.Блэр), продолжающая в смягченном виде традицию нормативного (логического) подхода к моделированию аргументации; прагма-диалектика (Франс. Х. ван Еемерен, Р.Гроотендорст) с ее коммуникативно-прагматической нормативностью; формальная диалектика (Э.Барт, Э.Краббе), а также описательные теории (например, радикальный аргументативизм О.Дюкро и Ж.-К. Анскомбра) и др. [\[3, с.154-161\]](#). Вместе с тем, эти теории, вполне работающие в той или иной области приложения, оказались неспособными выполнить роль общезначимой теории аргументации, поэтому все больше исследователей сегодня приходят к осознанию необходимости перехода от описания и моделирования различных измерений аргументации к рассмотрению ее как целостного феномена [\[4\]](#).

Предпринимаемые многочисленные попытки описания и обобщения разнообразных полемических речевых практик, делают актуальным обращение к методологическому аппарату философской герменевтики и теории коммуникативной рациональности, позволяющим в ходе исследования истории развития какого-либо феномена «постоянно видеть метаисторическое, современное нам» [\[5, с.94\]](#).

Также, несмотря на сомнения, существующие относительно возможности создания истории теории аргументации, причем, не в виде теории исторических нарративов, а как самостоятельного направления исследований (а не раздела истории логики или истории риторики), работы такого характера тоже начинают появляться [\[6\]](#). Обращение к историческому аргументативному наследию древних, невзирая на то, что «сейчас с отвращением отвергается спекулятивное глубокомыслие, туманная оракульская речь и пророческий пафос» [\[7, с.24\]](#), пленявший умы древних, является оправданным, так как актуальной задачей является переход от описания различных измерений аргументации к ее пониманию в единстве всех сторон. А как раз в древности феномен убеждающей речи осмысливался в синкретическом единстве всех его составляющих. В этом плане одной из актуальных научных проблем является выявление стратегий и приемов аргументации, которые являлись характерными для древнекитайской культуры спора, и сравнение их с античной традицией.

В древности, и на Западе, и на Востоке, риторическая составляющая аргументации доминировала, что было обусловлено практическими потребностями ведения споров в эпоху широкого распространения ораторского искусства. Однако, в отличие от полемических практик античности, в которых риторика представала как «ритуализированное спортивное состязание аргументаций» [\[8, с.95\]](#), практически сразу ставшее предметом теоретической рефлексии, китайская риторика, возникшая как форма наставления советниками правителей путем обоснования этических норм и убеждения в необходимости традиции, оказалась на периферии исследовательского интереса. Малоизученность традиции полемики объясняется, в первую очередь, наличием источниковедческих барьеров, т.к. древнекитайская мысль, в дошедших до нас текстах, представляют собой неравномерную (возможно, нерепрезентативную) выборку последующих китайских ученых из работ, в которых иногда некоторые части утрачены [\[9, с.102-131\]](#); во-вторых, трудностями при вычленении из большого количества трактатов, посвященных философским, этическим и политическим вопросам, сюжетов, посвященных законам мышления и проблемам имен, высказываний и рассуждений; и в-третьих, существованием общекультурных барьеров, связанных с необычностью для европейцев китайского стиля мышления и способа теоретизирования, в ходе которого широко

используются метафоры, афоризмы, примеры, намеки. Последнее обстоятельство, а также неизменяемость грамматических форм, делает весьма затруднительным понимание некоторых нюансов и оттенков смысла, которые не удастся передать в процессе перевода, что, безусловно, обедняет оригинальные тексты, и, как подчеркивает один из крупнейших китайских философов XX века Фэн Ю-лань, усложняет их адекватное понимание [10, с.35]. Все перечисленное послужило причиной появления ряда стереотипов, самым радикальным из которых было представление китайской мысли как аргументирующей «мудрости» (М.Гране) [11, с.5] или «нумерологии».

Однако более распространенным являлся стереотип об отсутствии в Древнем Китае логики [12], как универсального метода [13], носящий явно выраженный европоцентристский характер (А.Ч.Грэм, Ч. Хансен). Он возник как результат неоправданной проекции западноевропейской ментальности и терминов западного философского языка, а также логических схем аристотелевской силлогистики на оригинальный китайский материал [14, с.112].

Главным аргументом при этом выступал не столько языковой барьер как таковой, сколько проблема соотношения между считавшимся малоудобным для выражения абстракций китайским языком (например, из-за отсутствия связки «быть» и субъектно-предикатной структуры предложения) и китайской мыслью [15], а также рассуждения по поводу глубинного отличия китайского иероглифического письма от европейского алфавитного, опирающегося на «семантическую пустотность букв самих по себе» (А.Кобзев) [16, с.314-325], в котором «незначительные буквы образуют значительные слова». «Греческие философы, - подчеркивал в этой связи У. Эко, - признавали греческий язык языком разума, и Аристотель выстроил свои категории на основе грамматических категорий греческого языка» [17, с.52]. Отсутствие же грамматических категорий и «иконичность» китайской письменности, которая по своему характеру «синтетична и образна» [18, с.222], а также специфический символизм гексаграмм китайского языка, были превратно истолкованы в западной интеллектуальной традиции, где «символы воспринимались, как правило, в порядке понятийного (логического или псевдологического) знания» [19, с.100]. На Западе под символами понимались особого рода знаки, предназначенные для расширения знания, тем самым, они переводились из ситуации понимания символических смыслов сознания в знаки культуры. А язык чаще всего рассматривался как способ передачи информации (коммуникативно-информационные речевые акты), тогда как в китайской традиции важнейшая функция языка - словесное поведение, «дискурс как руководство к действию» (перлокутивные речевые акты, воздействующие не только на сознание, но и на поведение человека) [20, с.25-26]. Не случайно, что в мировосприятии западного человека символов со временем постепенно становилось все меньше и меньше [19, с.101]. Противопоставление западной алфавитности, изначально носящей аналитичный и логизированный характер, синтетичности китайского иероглифического письма, сегодня в условиях перемен в понимании предмета логики, критериев и границ логического, начинает постепенно преодолеваться благодаря, в том числе, и исследованиям отечественных синологов. Последними был «заново» поставлен вопрос о существовании того, что литературе Поднебесной называют «китайской логикой».

В результате исследования общеметодологических построений наиболее продвинутых в этом плане моистов и представителей школы имен одни из современных исследователей, как например, создатель концепции «конструктивизма» китайской логики

А.А.Крушинский, отталкиваясь не от традиционного теоретико-множественного подхода, а используя генетический метод, приходят к утверждению о существовании в китайском алгоритмическом стиле мышления и способе рассуждений (на основе деятельностной установки) развитой теории логического вывода (в силу отчетливого приоритета конструкции над классом) [14. с.114]. Это выглядит вполне убедительным, если исходить из произошедшего расширения предмета логики, когда дедукция перестала быть синонимом вывода из аксиом [14. с.115]. Другие же, как А.И.Кобзев - создатель теории «нумерологичности» китайской рациональности, обосновывают вывод, согласно которому в данном случае мы имеем дело скорее с протологикой и эристической проблематикой [21].

Представляется, и это является задачей данной статьи, что в ракурсе современного понимания логики и тех проблем, которые после «лингвистического поворота» XX века принято относить к «неформальной логике» и теории аргументации [22], методологические построения древних китайцев, возникшие на основе анализа и систематизации полемических практик, могут быть расценены как начало истории теории аргументации. При этом автор разделяет находящуюся пока в меньшинстве (по сравнению с узкологическим подходом) широкую трактовку аргументации, как специфическую форму мышления и обоснования какого-либо утверждения с помощью других утверждений, учитывающую не только различные способы убеждения, но и «предусматривающую различные оценки аргументации (не только логико-гносеологическую, но также прагматическую, этическую и эстетическую)» [23, с.8]. Это не означает, что теория аргументации свободна от нормативности, наоборот, она находится в поиске новой нормативности, вырабатывая «менее строгие, чем в логике, но все же правила», на основе которых практикуется убеждение [24, с.11].

Важнейшая для Поднебесной установка на приоритетность действия перед знанием ярко проявилась и в отношении к феномену аргументации, в котором в синкретическом единстве находятся логическое, риторическое, лингвистическое и эристическое, т.е. то, что еще не дифференцировалось в философских работах древних китайцев. И аргументативная проблематика, несмотря на востребованность в социальном контексте, в силу слабой теоретичности и системности не специфицировалась как отдельная область знания, а была вплетена в широкую риторическую и полемическую практику [3, с.52-91].

Это переосмысление проблемы опирается на использовании метода философской компаративистики, исходящего из признания наличия различных философских культур, и ориентированного на поиск сходных базисных идей, мыслительных ходов и интуиций в разных цивилизациях в древнюю эпоху. Использование этого метода в данной статье позволит осуществить раскрытие (с учетом исторического и культурного контекста) явных и неявных оснований содержания и структуры рассуждений древних китайцев, а также осуществить анализ их представлений о том, каким нормам должна соответствовать аргументация, чтобы быть убедительной [25, с.66].

Вершиной расцвета древнекитайского института спора, как вида публичной деятельности, считается бурный период общественных перемен под названием Чжаньго (V–III вв. до н.э.), в который шли постоянные диспуты между такими философскими течениями, как конфуцианство, даосизм, моизм, школа «имен» и школа «законников», а также появилось понятие «философская дискуссия». Острая интеллектуальная конкуренция «эпохи соперничества Ста школ», в которую наперебой предлагались

этически-прагматические проекты Порядка и Гармонии, способствовала тому, что проблема вычленения и систематизации наиболее эффективных аргументативных стратегий попала в сферу основных исследовательских усилий и нашла отражение в письменных работах, где собранные приемы ведения дискуссии получили дальнейшее развитие и постепенно приобрели статус норм. Тем самым, аргументация, как специфическая форма мышления и обоснования позиций, приобретала все большее распространение в культуре Древнего Китая.

Широкому распространению спора в период Чжаньго предшествовала практика речей-монологов, т.н. «убеждений» (*шуй*) - поучений («следовать образцу»), призывов («соблюдать традиции»), с которыми советники обращались к государю. В этих речах, помимо аргументов к ритуалу и авторитету (архетипические примеры из жизни «совершенномудрых ванов»), не просто приводились с образцы правильного употребления слов, а уже фиксировалось семантическое отношение имени и его значения, а также фактически содержались зачатки важнейших для китайской методологии теории имен (*мин*) и теории высказываний (*цы*). Эти «убеждения» стимулировали поиски наиболее эффективных логических, риторических и психологических приемов воздействия на адресата с учетом его когнитивных возможностей, этических и политических установок, а также особенностей характера. Вскоре профессиональные «мастера убеждать» наработали целый арсенал аргументативных техник, позволявших им уклончиво, «сохраняя лицо» господина и не затрагивая его достоинства, доносить до него мысль о необходимости корректировки поведения. Важнейшим аргументативным приемом, позволявшим достигнуть этой цели, стал способ так называемого «удвоенного убеждения». Он представлял собой непрямую аргументацию, в ходе которой велось не только доказательство справедливости точки зрения аргументатора, но и опровержение противоположной позиции воображаемого оппонента. Этот феномен «*вымышленного спора*», был аналогичен знаменитым «*двойным речам*» греческих софистов.

Вместе с тем, несмотря на определенное сходство, феномен «убеждения» нельзя считать спором, как это иногда встречается. По многим характеристикам спор и «убеждение», как показал в своем исследовании Ю.Л.Кроль, – процедуры противоположные: по целям (у спора - «победить уста», у «убеждения» - «покорить сердце»), по степени диалогизации, демократичности, отсутствию/наличию аудитории и т.д. [26, с.24-34]. Поэтому спор тяготел к логическим средствам, а «убеждение» - к психологическим, оно гораздо больше соотносилось с социальным статусом сторон и в этом смысле было «иерархично»,... что создавало «трудность убеждать», состоявшую в «знании сердца убеждаемого» (трактат Хань Фэй цзы) [26, с.31], и в выборе подходящего способа убеждения. Тем не менее, опыт, полученный в ходе «убеждений», оказал стимулирующее влияние на теоретическое осмысление процесса аргументации. Так, например, личный опыт поучений известного спорщика Мэн-цзы, был обобщен последним в трактате, где помимо традиционной проблемы правильного присвоения «имен», им был поставлен вопрос о критерии оценки речей («рассудительность» - *чжи*). Также Мэн-цзы разработал классификацию способов опровержений аргументов идейного противника.

Вскоре на смену квазиспорам, которыми можно считать «убеждения», пришли реальные споры с развернутой аргументацией позиций участников. В первую очередь, это было связано с появлением политического плюрализма, как следствия политической раздробленности, но были и идеологические причины. Установка на Гармонию социальных отношений между государем и подданными, требовала обсуждения

вопросов, связанных с правильностью курса государственного управления и путей его реализации («ритуал» или «закон»), а также вызывала к жизни целый ряд конкурирующих между собой социальных проектов. Обоснование их велось уже в форме реальных полемик, в ходе которых совершенствовалось искусство аргументации. Так из истории известен спор о глубинной природе спора («спор о споре»), итогом которого было теоретическое осмысление феномена спора, с одной стороны, как интеллектуального состязания, в ходе которого устанавливалась правильность того или иного проекта социального устройства, а с другой, как организационной процедуры, обеспечивающей порядок в ходе обоснования соперничающих политических позиций и морально-этических доктрин. Такой подход обеспечивал конструктивный характер спора и позволял избегать конфликтов в ходе полемической коммуникации. В этом проявилась специфическая особенность древних китайцев (отмечаемая исследователями и у современных китайцев), по возможности избегать конфликтов при коммуникации [27, с.387], так как они не только вызывают стресс, но и нарушают жизненную ориентацию на Гармонию [28, с.767]. И хотя для описания споров (*бянь*) использовалась терминология из военной сферы: «победа» (*шэн*), «поражение» (*фу*), «соперничество» (*чжен*), последнее было, в отличие от древнегреческого агона и споров в Древней Индии, достаточно мирным, и споры носили, в основном, состязательный характер.

Опыт участия в публичных спорах привел к появлению так называемых профессиональных спорщиков – «мастеров убеждения» (*бянь ши*), которые, как греческие софисты, вскоре тоже повсеместно открывали школы ораторов (*цзун хэ*). Слой «мастеров убеждения» был неоднороден: среди них были как серьезные спорщики, хорошо владеющие искусством убеждения, среди которых, по мнению знаменитого историка Сыма Цяня, наиболее прославились Гунсунь Лун, Цзыму-цзы, Мао-гун, Кун Чуань, Чзоу Янь [29, с.51], так и так называемые «скользкие говоруны», которые чаще всего сами не являлись хорошими ораторами, но учили других весьма востребованному в то время искусству убеждения.

К этому времени искусство аргументации включало в себя не только те приемы, которые были наработаны в практиках «убеждения» (непрямую аргументацию, намеки, притчи, разного рода аллегории), но и новые нормативные (не в смысле правильности рассуждения, а практически эффективные) средства, к числу которых относились: метод «достоинств и недостатков» (*чан дуань*); «удвоенного убеждения», «мышления родами», позволявший выстраивать в качестве общезначимых структур целые ряды исторических примеров [26, с.28], занимавших важнейшее место в полемических практиках. Позднее примеры превратятся в базис индуктивных умозаключений и паралогических рассуждений по аналогии, а также обретут методологический статус топоса древнекитайского спора.

Среди полемических практик Древнего Китая достаточно четко специфицировались три основные разновидности споров: *политические, философские и судебные*. Последние были связаны с решением правовых вопросов (особенно в период раздела имущества больших семей, где столкнулись кровнородственная традиция и право собственности), что с необходимостью предполагало при истолковании юридических норм использование аргументативных средств, арсенал которых был обширным, но несистемным и разнородным. Он включал множество приемов и всяческих уловок, среди которых особое место занимал так называемый «*прием последнего слова*», впоследствии утвердившийся как еще один (наряду с примерами) топос древнекитайского спора.

Именно в судебных спорах ярче всего проявились древнекитайские «софисты» -

представители «школы имен» (мин-цзя), профессиональные спорщики (бянь чжи), всегда готовые в ходе полемики утверждать то, что отрицали другие, и наоборот. Самым известным из них считается юрист, «разрушавший закон» своими парадоксальными аргументами, Дэн Си, искусно владевший знаменитым приемом «последнего слова». Уделяя внимание именам, а не фактам, он умел интерпретировать формальную букву закона в зависимости от ситуации, ловко превращая правильное (ши) в неправильное (фэй), и наоборот [\[10, с.104-105\]](#). Дэн Си прославился особым умением приводить большое количество обоснований истинности противоречащих суждений, а также формулировкой целого ряда нормативно-логических требований. Именно ему приписывается создание рассуждения о двух «возможных толкованиях», отдаленно напоминающее древнегреческий парадокс «Протагор и Эватл». Вообще использование парадоксов, поразительно напоминающих древнегреческие, например, о летящей стреле, временами находящейся ни в движении, ни в покое, или рассуждение о возможности бесконечного деления пополам палки, напоминающее зеноновскую «Дихотомию», было типичным для китайских спорщиков [\[10, с.111\]](#). Вместе с тем, Фэн Ю-лань, автор известной истории китайской философии, подробно разбирая аргументы «школы имен» в подобных рассуждениях (например, «Рассуждение о твердости и белизне» Гунсунь Луна), расцениваемых европейскими исследователями как парадоксальные, показывает, что они перестают быть таковыми, если понять фундаментальные метафизические установки их авторов [\[10, с.110-113\]](#).

Наличие парадоксов в рассуждениях было одной из причин возникновения релятивизма и отрицательного отношения к философским спорам (особенно между конфуцианцами и моистами) мыслителя Чжуан-цзы, «отрицавшего традиционную китайскую манеру мышления и ведения споров» [\[30, с.173\]](#), и в силу этого пришедшего к пессимистическому выводу о бесцельности любой дискуссии, так как он видел в последней не средство поиска истины равноценными партнерами, а лишь искусство победы над противником [\[31, с.214\]](#).

Однако самыми распространенными были *политические споры*, которые вели те, кто профессионально занимался дипломатией и политикой. Их базой был «государственный плюрализм» эпохи «удельных царей», стоявших во главе разных государств. Эти споры часто проходили в форме т.н. «конференций», многие из которых сыграли важную роль в политической жизни своего времени. Самой известной из них была конференция под названием: «Спор о соли и железе» (81 г. до н.э.), посвященная проблеме казенных монополий на производство соли и железа, против которой выступал конфуцианец Дун Чжун-шу. Он активно использовал прагматически ориентированный *метод ассоциаций* (ссылку на исторические прецеденты как неоспоримый аргумент), позволяющий упорядочивать мышление и выстраивать последовательную цепь дедуктивно-дидактических рассуждений, а также *аргумент к авторитету* (ad hominem в европейской традиции), которым в данном случае выступало Небо [\[32, с.160-175\]](#). Причем ссылка на Небо использовалась обеими противоборствующими сторонами, как противниками, так и защитниками монополий [\[33, с.17\]](#), что свидетельствовало об изощренности аргументативной техники. Аргумент к авторитету (напоминающий по значимости *ipse dixit* в средневековых диспутах с предписаниями) часто приобретал форму *аргумента к традиции*, очень близкую к уже упомянутой ассоциативной ссылке на прецеденты, а также модификацию *аргумента к пользе*, что было проявлением приоритета когнитивной эффективности над формальной правильностью [\[14, с.111\]](#). Исходя из типичности используемых в споре о соли и железе аргументативных приемов, автор его

реконструкции - Хуань Куань (трактат «Янь те Лунь»), придавал ему нормативную функцию *образца* для конфуцианской философской школы, считая использованные в нем аргументы *примером* опровержения позиции легистов и даосов.

Умение искусно аргументировать свои взгляды с древности, как на Востоке, так и на Западе, считалось необходимым для философа, или, как уточнял Платон в «Федре», человека, стремящегося к мудрости. Поэтому не случайно особое место с точки зрения теоретико-методологического осмысления искусства аргументации в Древнем Китае занимали *философские споры*, как межшкольные, так и внутришкольные. Именно в них постепенно выкристаллизовывалась необходимая нормативность. Важнейший вклад в ее разработку внесли уже упомянутый Дэн Си, а также такие мыслители как Конфуций, Ханьфейцзы, Хуэй Ши, Гунсунь Лун, Мо-цзы и др. [34, с.174]. Так, например, вопросы теории спора рассматривались в «Суждениях и беседах» («Лунь юй») Конфуция, впервые выдвинувшего требование нормативирования» (общезначимости и упрощения) языка в разработанной им стратегии правильного использования имен. «Выправление имен» (*чжен мин*), по его мнению, являлось гарантией правильности (моральности) поступка. Последнее важно для утверждения желаемого социального порядка, при котором каждый должен вести себя в соответствии со своим социальным статусом [35]. Подобную задачу – заставить человека действовать в нужном направлении, декларировала и античная риторическая традиция, но в данном случае речь не шла о стратегии обсуждения проблемы автономными и суверенными субъектами с помощью рациональных доводов, в Древнем Китае antecedents, определяемые политико-культурным контекстом и статусом участников, были совсем иными. Вместе с тем, некоторые технические приемы аргументации были схожи, например, использование метода вопросов и ответов и др.

Важная проблема теории аргументации – зависимость смысла высказываний от языковой формы, рассматривалась не только Конфуцием, но и другими мыслителями. Так конкретные принципы упорядочения имен и их классификация исследовались философом Сюнь-Цзы, которому принадлежал целый ряд идей, посвященных искусству аргументации, например, учение о способах доказательства истинности или ложности одного и того же тезиса, а также систематизация большого числа конкретных примеров использования в спорах некорректных аргументов, позволяющих искусным спорщикам достигать победы над противником. Также проблемой исследования имен занимался Гунсунь Лун – известный представитель «школы имен» (*мин-цзя*), которую часто уподобляют греческим софистам за любовь к *подмене понятий*. Стремясь выяснить логические отношения между именами, он в своем знаменитом рассуждении «Суждение о белой лошади» («*Бай ма лунь*») фактически поставил логическую проблему о соотношении содержания и объема понятий («лошадь» и «белая лошадь»), чем «внес огромный вклад в развитие логической мысли того периода» [36, с.154]. Однако на практике использование для запутывания противника приема подмены понятий в форме софизмов, наподобие греческих, например, известный софизм Хуэй Ши «белая собака – черная», превращали серьезную дискуссию в бесплодную полемику. Вместе с тем, негативно оцениваемая современниками деятельность софистов оказалась хорошим стимулом для пристального внимания философов к искусству аргументации. Примером может служить школа поздних моистов, сделавших «серьезный» спор, вслед за искусным спорщиком Мэн-цзы, автором трактата, посвященного искусству аргументации, предметом своего специального изучения.

Важной вехой в теоретико-методологическом осмыслении искусства аргументации в Древнем Китае стало появление направленной против софистов знаменитой «Программы

спора», оказавшей сильное влияние на развитие всей китайской интеллектуальной культуры вплоть до вытеснения института спора из социальной жизни и запрете под страхом смерти в 213 г. до н.э. философских споров. «Программу спора», создателем которой считается Цзюй Янь, можно расценивать как прообраз древнекитайской теории аргументации, т.к. в ней в систематизированном виде сформулированы общие принципы и стратегии аргументации, а также основные требования к спору, включавшие: ясность изложения, строгость рассуждений, отказ от языковых и логических уловок, запутывающих противника, а также запреты на распространенное соперничество из-за права на «последнее слово», на «приукрашивание выражений», манипулирование сравнениями и цитатами [\[29, с.11\]](#).

Если «Программа спора» была лишь прообразом теории аргументации, то энциклопедический трактат «Мобянь» («Рассуждение Мо-цзы»), написанный «первым оппонентом Конфуция» (Фэн Ю-лань), основателем школы *моизма* - Мо-цзы, может считаться первой версией собственно *теории* аргументации, т.к. в нем была предпринята попытка создания нормативной базы аргументации, а именно, ее законов (*фа* - образцов), трактуемых в логико-гносеологическом смысле [\[37, с.182\]](#). Кроме того, в этом трактате Мо-цзы, в противоположность Конфуцию выступавшего критиком древней китайской цивилизации, разрозненные логико-аргументативные идеи о критериях и условиях правильности рассуждений (которыми выступали *основание, подтверждение и применимость*) оформились в достаточно стройную систему, в результате чего теория аргументации предстала как прикладная логика.

Методологические проблемы аргументации рассматривались моистами в специфицированной *теории рассуждения (шо) и спора (бянь)* . Именно Мо-цзы концептуализировал целый ряд ключевых терминов, вводя в обращение понятие «рассуждение», понимаемого как способ мышления, позволяющий отличать истинное и ложное. Особым предметом изучения основатель моизма считал правила выдвижения тезиса и его обоснования, вместе образующие «три образцовых формы суждения» (*сань бяо шо*) [\[36, с.153\]](#). Показательно, что «учитель Мо» был не только теоретиком, разработавшим, например, классификацию имен (понятий) на «общие, родовые и частные» [\[38, с.102\]](#), но и практиком, пытавшимся своими речами с помощью утилитаристских аргументов побудить людей следовать принципу всеобщей любви. Чтобы этого добиться, считал он, нужно не только религиозное, но и политическое обоснование [\[10, с.79\]](#). Каким он был спорщиком видно на примере главы «Гун шун» из трактата «Мобянь». В его рассуждениях сочетались такие ключевые составляющие эффективного аргументативного дискурса как логическая доказательность и психологическая убедительность, достигаемая за счет внимания к неявным предпосылкам рассуждения, носящим оценочный характер. Он практиковал три стратегии убеждения. Первая заключалась в следующем: четко сформулировать тезис, последовательно его аргументировать, используя примеры и аналогии таким образом, чтобы либо довести положения оппонента до абсурда, либо показать противоречивость позиции, а затем (и в этом его метод был похож на сократовский) вынудить оппонента согласиться с внешне безобидным утверждением, после чего в конце концов вынудить соперника согласиться с правотой Мо-цзы. Второй способ убеждения опирался на широкое использование примеров в качестве аргументов, доказывающих противнику недостижимость или же опасность той цели, которую последний ставил перед собой. Обычно оба способа шли в связке. Третий способ был фактически модификацией второго – убеждение противника осуществлялось посредством *аргумента к практической пользе* (к выгоде) той идеи, которую отстаивал оратор [\[30, с.43-44\]](#).

Развивая идеи Мо-цзы, представители школы моистов подробно изучали высказывание (*цы*), различая истинность (*синь*), относя ее к речевому акту, и правильность (*дан*), т. е. соответствие информации в *цы* фактическому положению дел. Более того, моистами была разработана типология высказываний, явно перекликающаяся с древнегреческой: полные - общеутвердительные (*цзынь*), частноутвердительные (*хо*), условные (*цзя*), повелительные (*би*) и т. д. Также они уже начинают отличать отношение контрарности от противоречивости, служащее для некоторых китайских исследователей аргументом в пользу наличия у моистов описания законов логики, наподобие аристотелевских, например, требование непротиворечивости, нашедшее воплощение в знаменитой басне Хань Фей-цзы о непробиваемом щите и всесокрушающем копье. Также моисты вплотную подошли к теории распределенности терминов в категорических суждениях [\[3, с.82\]](#). Можно утверждать, что учение моистов и в содержательном, и даже отчасти в формальном смысле, превосходило все имевшиеся до этого в Древнем Китае логико-эпистемологические построения. В их теории аргументации логический аспект был тесно связан с риторическим, которому и была, в основном, посвящена теория спора.

Таким образом, ядро теории аргументации моистов составляли теория рассуждения и теория спора. Первая описывала следующую модель: на первом этапе – формулировка и выдвижение тезиса, на втором – собственно процедура его обоснования (*сань у лунь ши*), состоящая из трех последовательных ступеней (*три основы*). В структуру обоснования входили: 1) аргумент (*гу*) – малое и большое основание (в древнегреческой традиции необходимое и достаточное условие); 2) довод (*ли*) – нормативное требование относительно вывода; 3) примеры (*лэй*), занимавшие важнейшее место в моистском аргументативном дискурсе в силу их эффективности в деле убеждения аудитории. Приводимые примеры составляли основу паралогических рассуждений по аналогии (понимаемой при этом весьма широко) [\[34, с.175\]](#). Игнорирование этих структурных требований, составивших, несмотря на явный дефицит системности, основу аргументативной нормативности моистов, рассматривалось в публичных спорах как путь, чреватый ошибками [\[36, с.155-156\]](#).

Моистская теория спора («*бянь*») исходила из того, что тезисыспорщиков должны находится в отношении противоречия, иначе предмет спора остается неясным, что ведет к ошибкам и заблуждениям. Чтобы их избегать, нужно соблюдать ряд правил, например, если одна сторона использовала какой-то метод, то и вторая тоже может его использовать, и наоборот, если одна не допускает, то и другой надо отказаться от применения данного метода. Это указывает на то, что моисты имели в виду, прежде всего, познавательный спор с корректными приемами. Значимое место в теоретическом осмыслении аргументации у моистов занимает анализ ошибок. Важно заметить, что и в античности - у Аристотеля («О софистических опровержениях»), и в Новое время – у Дж. Локка («ошибки апеллирования»), и в современных моделях аргументации (Ч.Хэмблин) [\[39\]](#), и в учебниках по логике и теории аргументации, анализ ошибок и уловок занимают весьма значительное место (иногда до трети объема) [\[40, с.162-197\]](#). Ошибки в споре были разделены моистами по разным основаниям на несколько групп, среди них были и те, что вызывались фундаментальными познавательными трудностями и ограничениями, и те, которые носили логико-семантический характер, а также связанные с незнанием правил рассуждений и неумением ставить вопросы. Последнее – вопрошание – занимает особое место в теории аргументации, т.к. правильно поставленный вопрос – не только «ключ к ответу» (Платон), направляющий исследовательский поиск, но и руководство к действию. Китайцы хорошо осознавали побудительную функцию вопроса – требование (или предложение) совершить какое-либо действие. Вопрос, как прием аргументации,

как активный фактор, проводящий волю вопрошающего, может быть использован как рычаг управления [\[22, с.106\]](#).

Также в теории поздних моистов ясно и достаточно подробно представлены правила ведения споров. Разработанный ими аргументативный канон изложен в главе «Малый выбор». Его соблюдение позволяет, по мнению моистов, избегать диспутальных ошибок. Канон состоит из семи универсальных правил – так называемых «*с емь методов ведения спора об истинном и неистинном*». К ним относятся: (1) «вероятность» (*хо*) — мнение в форме суждения о вероятности (предварительный тезис); (2) «предположение» (*цзя*) — гипотеза, (3) «подражание образцу» (*сяо*) — аналогия признаков; (4) «сопоставление» (*би*) — аналогия примеров; (5) «сравнение» (*моу*) — это также разновидность рассуждения по аналогии, когда сравниваются элементы структуры двух высказываний, а также различные мнения спорщиков; (6) «ссылка на мнение оппонента» (*юань*); (7) «распространение» (*туй*) — экстраполяция достигнутого согласия на другие вопросы [\[30, с.189-192\]](#). Сам факт выработки системы стандартных шагов по обоснованию собственной точки зрения в споре представлял серьезный вклад в разработку теории аргументации. Вместе с тем, иерархия правил канона, несмотря на моистскую декларацию об его универсальности, оказалась невыстроенной, в результате чего вместо нормативности он имел описательный характер и допускал возможность вариаций методов с учетом субъектов-участников и темы дискуссии.

Интересно, что моистские конвенционально принятые правила ведения споров, перекликаются и сравнимы по степени нормативности с т.н. «кодексом рационального поведения участников» (набор процедурных правил) в практико-ориентированной концепции «критической дискуссии» (современной форме диалектического диалога), разработанной в 80-х гг. XX века весьма влиятельной голландской школой прагма-диалектики (Ф.Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст, С. Хенкеманс, Р. Хоутлоссер) [\[41, с.387-403\]](#). Схожим является и использование регулятивных правил в роли конститутивных. Показательно, что совершенствование прагма-диалектической модели аргументации, противостоящей сегодня модели неформальной логики, видится не в достижении более строгой (логикоцентристской) нормативности, а на пути более глубокого понимания прагматических конвенций и языковых средств, используемых в аргументативном дискурсе носителями языка [\[42, с.198\]](#), важность которых хорошо осознавалась поздними моистами.

Анализ правил аргументативного канона моистов показывает, что приоритетным видом считалась аналогия. Она, как и примеры, является визитной карточкой полемической культуры Древнего Китая. Ее широкое и повсеместное использование объяснялось прагматической ориентацией (в этико-политическом аспекте) китайского мышления в целом: умозаключения по аналогии считались самым эффективным средством ведения дискуссии, цель которой – побудить к правильному поступку. Следующий шаг – это переход к использованию индукции и дедукции, т.к. различать правильное и неправильное помогают, по мнению поздних моистов, две стратегии: (1) *подражания* – метод, напоминающий дедукцию, и (2) *распространения*, метод близкий к индуктивному типу рассуждений в западной логике. Однако этот следующий шаг, в силу политических изменений в социальной жизни Древнего Китая, не был сделан. Это произошло и в силу доминирования конфуцианцев, чья методология и концептуальный аппарат играли главную роль в интеллектуальной культуре, а также легистов, с их мировоззренческими установками на единство и унификацию, не оставляющими никакого пространства для полемических практик. Как следствие, эпоха интеллектуального плюрализма

закончилась и моизм, с его достижениями в исследовании эпистемологической проблематики, в середине правления династии Хань (III в. до н.э.) был организационно разгромлен, а его огромный вклад в идейное наследие того времени на долгие столетия, вплоть до второго проникновения ранее изгнанного буддизма в Китай (VII в. н.э.), выпадет из китайского интеллектуального контекста, т.к. развивать идеи поздних моистов оказалось невозможным.

Если древнекитайская рациональность оказалась в ряде аспектов несравнимой с древнегреческой формально-логической традицией, заложенной Аристотелем, то степень нормативности древнекитайской теоретической рефлексии над процессами аргументации не только не уступала, но и находилась примерно на таком же уровне, как в древнегреческой традиции. Однако в силу резкого изменения социально-культурного и политического контекста китайская философская мысль в будущем значительно отклонится от направления, по которому пошла западноевропейская наука в осмыслении риторической практики. Открытия поздних моистов будут забыты [\[43, с.61\]](#), и только в период Нового времени традиция теоретического осмысления аргументации (в качестве предмета специального изучения) будет продолжена. Только тогда научный вклад поздних моистов будет востребован и оценен.

Подводя итог, необходимо отметить, что разбросанные по разным работам идеи аргументации занимали в Древнем Китае подчиненное место по отношению к этико-политической проблематике. Вместе с тем, теоретические достижения моистов, в первую очередь, идея о том, что в рассуждении необходимо следовать определенному методу, а также попытки сформулировать требования к такому методу, поиск критериев истинности знания, разработка заданных алгоритмическим способом классификационных схем, несомненно, обладали самостоятельной научной ценностью. И хотя они не специфицировались в теорию в строгом смысле этого слова и не приобрели форму универсальной методологии, тем не менее, перед нами не просто эристика (как искусство спора), а *теория аргументации в форме прикладной логики*. В этом отношении показательно заключение синолога К. Харбсмайера, пришедшего к выводу о существовании в китайской литературе эксплицитной теории аргументации, описывающей практически все основные формы логической аргументации [\[8, с.265\]](#). Ее методологической основой являлась опора на коррелятивное мышление, выступавшее в роли плодотворной методологии древнекитайской науки. Другой опорой выступала символическая ассоциативность, что выражалось в широком использовании таких видов рассуждений как *аналогия* и *выводы на основании примеров*. Практика использования примеров была настолько искусной и даже изощренной, что они часто обеспечивали успех всей аргументации. Особое внимание к аналогии было обусловлено практическими причинами и специфическими установками стратагемного мышления, в частности, необходимостью иносказательно выражать свою позицию для достижения консенсуса, являвшегося желанной целью, обусловленной общей установкой на Гармонию и Порядок. При этом нормативность аналогии носила не столько логический, сколько риторический характер, так как чаще всего она выступала не столько в качестве средства обоснования, сколько убеждения, что допускало использование необоснованных посылок.

Спецификой теории аргументации в Древнем Китае явилось осознание зависимости аргументации от языковой формы (теория правильного использования имен), однако общая натуралистическая установка, не различавшая идеального понятия и материального слова (А.Кобзев), проявлялась в полемическом приеме использования одного и того же термина в разных значениях. Этот прием имел прагматическое

(ценностное, нормативное) оправдание, а его применение отнюдь не свидетельствовало о терминологической неразборчивости. Также характерным являлось господство недоказательных типов аргументации, основанных на недемонстративных рассуждениях, а также акцент на их содержательной стороне, что было следствием неразличения эристического и логического, в свою очередь, не способствовавшего выделению логической формы в чистом виде, как это было в европейской логике истинностных значений.

Вместе с тем, анализ показывает, что с точки зрения оценки методологического потенциала китайская мысль была «вполне аргументативна, полемична и даже, возможно, приближалась к формализациям в духе «аналитической философии» [\[44, с.114\]](#). Похожие выводы ряда синологов (В.С. Спирин, А.М. Карапетянц, А.А. Крушинский) [\[45\]](#) о том, что поздние моисты вплотную подошли к формальной логике, как и ссылки на опыт реконструкции их рассуждений с помощью математической логики, и попытки оценить их с точки зрения современной аналитической философии (Чэн Чжунъин), обнаружившие наличие средств, напоминающих математические исчисления, представляют значительный научный интерес. Однако, данные утверждения, а также вывод о схожести древнекитайской методологии с современной конструктивистской логикой, все же представляются преувеличением.

Таким образом, несмотря на производность от риторики и преобладание в древнекитайском наследии критического анализа аргументативных практик перед собственно методологически теоретизированием, а также с учетом того, что теория аргументации (даже с учетом «коммуникативного поворота», позволившего в диалоговой форме представить отношение логического следования) и сегодня не достигает строгости формально-логических техник обоснования, т.к. включает целый ряд внелогических компонентов, связанных с особенностями рассуждений в гуманитарных науках, теоретико-методологические построения мыслителей Древнего Китая, тем не менее, могут рассматриваться как *теория* аргументации, в основе которой лежит психо-лингвистическая модель убеждения.

И хотя структурная сложность китайской аргументации уступала античной, но будучи нацеленной на «воплотимость в разумных делах и благонадежных поступках» [\[46, с.37\]](#), она была более «действенной» и убедительной, но не за счет логической последовательности рассуждений, а благодаря синкретическому единству риторических, стилистических и психологических механизмов, таких как образность, символичность, эмоциональность, энергичность, ритмика, авторитет и традиционность [\[11, с.35\]](#). А ассоциативная связь конкретных образов прекрасно передавала слушателям волевой импульс, цель которого – побуждение к желательному поведению.

Сегодня задача нахождения нормативных правил, алгоритмов и новых стандартов полемического искусства (нормативных, коммуникативно-продуктивных, когнитивных и др.) продолжает оставаться актуальной. Практическая потребность в создании теории аргументации побуждает к новому философскому осмыслению аргументативного наследия древних, что в свою очередь, может стимулировать не только концептуализацию ключевых понятий, как условие консенсуса представителей разных теоретико-методологических подходов к построению *теории* аргументации, но и разработку конструктивной стратегии по созданию общезначимой нормативной модели. Последняя, при условии учета такого требования коммуникации как адресность может оказаться способной преодолеть постоянные рецепции традиционной альтернативы логического и риторического, которые мы видим в современных теориях аргументации.

Библиография

1. Платон. Диалоги. Книга вторая. М.: Эксмо, 2008. С.9-88.
2. Еемеерен Франс Х. Современное состояние теории аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации / Пер. с англ., науч. ред. А.И.Мигунов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С.14-33.
3. Крючкова С.Е. Стратегии аргументации в Древнем мире. М.: Юрайт, 2020.
4. Еемеерен Франс Х., Гроотендорст, Р. Систематическая теория аргументации: прагматический подход / Под общ. ред. О.А.Доманова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021.
5. Ясперс К. Великие философы. Задающие меру люди. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018.
6. Van Eemeren, F.H., Grootendorst R., Henkemans F.S. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah: Erlbaum, 1996.
7. Гадамер Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследование позднего творчества. Минск: Пропилеи, 2007.
8. Harbsmeier Ch. Language and Logic // Needham J. Science and Civilization in China. Vol. VII. Pt. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
9. Кобзев А.И. «Дао-дэ цзин»: главный канон китайской философии в первом академическом переводе на русский язык // Вопросы философии, 2023. № 3. С.102–131.
10. Фэн Ю-Лань. Краткая история китайской философии. СПб.: Евразия, 2017.
11. Гране М. Китайская мысль. М.: Республика, 2004.
12. Graham A.C. Later Mohist Logic, Ethics and Science. Hong Kong: The Chinese University Press, 2003.
13. Hansen Ch. Language and Logic in Ancient China. Michigan: The University of Michigan Press, 1983.
14. Крушинский А.А. (2016). Логика Древнего Китая // Философский журнал, 2016. Т.9 (4). С. 111-127.
15. Hansen Ch. A Daoist Theory of Chinese Thought: A Philosophical Interpretation. New York: Oxford University Press, 1992.
16. Кобзев А.И. (2011). Китай и взаимосвязь иероглифики с континуализмом, а алфавита с атомизмом // Общество и государство в Китае. М.: Восточная литература РАН, 2011. С.314-325.
17. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб: ALEXANDRIA, 2007.
18. Кобзев А.И. Китайская культура и атомизм // Философия и наука в культурах Востока и Запада. М.: Восточная литература РАН, 2013. С.211-223.
19. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011.
20. Роузман Г. О знании (чжи): дискурс-руководство к действию в «Аналектах» Конфуция // Сравнительная философия: знание и вера в контексте диалога культур. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 20-28.
21. Кобзев А.И. Логика и диалектика в Китае // Духовная культура Китая. Т.1. М.: Восточная литература РАН, 2006. С.44-55.
22. Герасимова И.А. Введение в теорию и практику аргументации. М.: Логос, 2007.

23. Алексеев А.П. Философский текст: идеи, аргументация, образы. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
24. Маяцкий М. (2020). *Ad hominem* и обратно. М.: ИД Высшей школы экономики, 2020.
25. Брюшинкин В.Н. Системная модель аргументации как основа методологии философской компаративистики // *Модели мира. Исследования по логике, аргументации и истории философии* / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С.66-86.
26. Кроль Ю.Л. (1987) Спор как явление культуры Древнего Китая // *Народы Азии и Африки*, 1987. №2. С. 24-34.
27. Цзынь Ли. Культурные основы обучения: Восток и Запад. М.: ИД Высшая школа экономики, 2017.
28. Li J., Wang L.-Q., Fischer K.W. The organization of Chinese shame concepts // *Cognition and Emotion*, 2004. Vol.18 (6). Pp. 767-797.
29. Сыма Цянь. Записи историка. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972.
30. Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.
31. Антология мировой философии. Китайская философия, Т.1. Ч.2. М.: Мысль, 1969. С.181-275.
32. Рыков С. Ю. (2023). Некоторые аспекты моистской теории «Неба» // *Вопросы философии*, 2023. №3. С.160-175.
33. Хуань Куань. Спор о соли и железе. М.: Восточная литература РАН, 2001.
34. Пань Шимо. Логика Древнего Китая // *Философские науки*, 1991. №11. С.174-178.
35. Конфуций. Лунь Юй. Суждения и беседы. М.: Издательство «Шанс», 2021.
36. Чжоу Юньчжи. Основные вехи развития древнекитайской логики мин бьянь, ее главные особенности и реальные достижения // *Рационалистическая традиция и современность*. М.: Издательство «Наука», 1993. С.152-178.
37. Рыков С.Ю. Древнекитайская философия. М.: Институт философии РАН, 2012.
38. Тань Цзефу. Исследование взглядов моистов-спорщиков. Пекин, 1958.
39. Hamblin Ch.L. *Fallacies*. London: Methuen, 1970.
40. Еемеерен Франс. Х. Ошибки в аргументации // *Важнейшие концепции теории аргументации*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С.162-197.
41. Eemeren F.H., Houtlosser P. The Development of the Pragma-dialectical Approach to Argumentation // *Argumentation*, 2003. Vol. 17(4). Pp. 387-403.
42. Аньес ван Реес М. Интерпретация и реконструкция аргументации // *Важнейшие концепции теории аргументации*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С.198-238.
43. Graham A.C. *Disputers of the Tao: philosophical argument in ancient China*. Chicago: La Salle, 1989.
44. Рыков С.Ю. Лики китайской рациональности // *Историко-философский ежегодник*, 2018. Т. 33. С.89-118. DOI 10.21267/AQUILO.2018.33.21031
45. Крушинский А. А. Логика «И цзина». Дедукция в Древнем Китае. М.: Восточная литература, Институт философии РАН, 1999.
46. Кобзев А.И. Знание/разум и вера/благонадежность в китайской философии // *Сравнительная философия: знание и вера в контексте диалога культур*. М.: Восточная литература, Институт философии РАН, 2008. С.29-37.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье даётся целостный обзор «искусства аргументации» в древнекитайской культуре. Несмотря на то, что сегодня в нашей стране исследователи значительно чаще, чем в прежние десятилетия, обращаются к анализу «восточных» философских традиций, исследований по китайской «логике» и «риторике» не так много (в сравнении даже с соответствующими индийскими учениями, не говоря уже о классических – греческих – логике и риторике). Статья является исключительно содержательной, автор проработал и обобщил большой историко-философский и историко-культурный материал, активно использовал множество разнообразных источников, отражённых в библиографическом списке. В статье достаточно определённо просматривается сюжет повествования, его можно было бы отразить с помощью подзаголовков; это пожелание представляется естественным и с учётом того обстоятельства что статья оказалась довольно большой по объёму (более 1 а.л. без учёта библиографического списка). Следует подчеркнуть, что анализ древнекитайской «теории аргументации» даётся на фоне сравнения её с европейской логической традицией и с учётом современного состояния логики и теории аргументации. В процессе обсуждения этих весьма «тонких» вопросов автор проявляет исключительную эрудицию и способность давать взвешенные оценки дискуссионных для современной философии и логики проблем. Естественно, автор не может пройти мимо обсуждения особенностей китайского языка и всей китайской «культурной ментальности» (отсутствие глагола-связки, субъектно-предикатной структуры суждения); он высказывает мнение, что эти давно известные специалистам особенности никак не могут рассматриваться в качестве препятствий, которые, якобы, тормозили развитие как абстрактного теоретического мышления, так и искусства аргументации. Подобные взгляды автор рассматривает в качестве проявления «европоцентризма» в историко-культурных исследованиях, опираясь, в свою очередь, на «использование метода философской компаративистики, исходящего из признания наличия различных философских культур, и ориентированного на поиск сходных базисных идей, мыслительных ходов и интуиций в разных цивилизациях в древнюю эпоху». Отметим, что автор весьма деликатно использует компаративистскую методологию; к сожалению, в публикациях последних лет её использование часто было лишено элементарного исторического вкуса, что в какой-то степени скомпрометировало саму компаративистику как область историко-культурных исследований. С «технической» точки зрения статья также вполне готова к публикации. Правда в некоторых местах появляются лишние с точки зрения норм русского языка запятые, однако, в большинстве случаев, по-видимому, мы имеем дело с авторской пунктуацией, решающей задачи более рельефной прорисовки сложной мысли. Однако в последнем предложении следует снять запятую после «последняя» и, напротив, взять в запятые «как адресность», во втором же предложении текста, очевидно, следует использовать заглавную букву («в Древнем мире»), может быть, это предложение следует разделить на два предложения, связь между его частями просматривается плохо. Несмотря на то, что статья превышает рекомендуемый объём, думается, имеются основания рекомендовать её к печати именно в таком виде, было бы трудно согласиться на сокращения в ситуации, когда все смысловые переходы выверены и весьма старательно отредактированы автором. Рекомендую опубликовать статью в научном журнале.

